

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Т.А. Белова, А.Л. Брицкая, А.А. Козлова, Т.Г. Лобова, О.А. Сивирина

Аннотация. *Статья посвящена проблеме становления системы российского самодержавия со времен монголо-татарского ига до XVIII–XIX веков. Авторы анализируют основные факторы, повлиявшие на возникновение особой системы правления в России, а также процесс эволюции абсолютной монархии. Большое внимание уделяется различным аспектам неограниченной монархии в России: от монгольского влияния и особенностей внешней политики до опоры монархии на такие социальные институты, как церковь и крестьянская община.*

Ключевые слова: *самодержавие, абсолютизм, монархия, крестьянская община, менталитет, Россия.*

Для цитирования: *Белова Т.А., Брицкая А.Л., Козлова А.А., Лобова Т.Г., Сивирина О.А. Традиции российского самодержавия // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 286–295. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-286-295*

TRADITIONS OF THE RUSSIAN AUTOCRACY

T.A. Belova, A.L. Britskaya, A.A. Kozlova, T.G. Lobova, O.A. Sivirina

Abstract. *The article deals with the issue of Russian autocracy system formation from the time of Mongol-Tatar yoke to the XVIII-XIX centuries. The authors analyze the main factors that influenced the emergence of a special system of government in Russia, as well as the process of evolution of absolute monarchy. Much attention is given to various aspects of unlimited monarchy in Russia: from the Mongol influence and peculiarities of foreign policy to the monarchy's reliance on social institutions such as the church and the peasant community.*

Keywords: *autocracy, absolutism, monarchy, peasant community, mentality, Russia.*

Cite as: *Belova T.A., Britskaya A.L., Kozlova A.A., Lobova T.G., Sivirina O.A. Traditions of the Russian Autocracy. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 286–295. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-286-295*

Каждое государство имеет исторически сложившуюся форму правления, и в России это разные формы монархии: от раннефеодальной до абсолютной.

Сложность эволюции зависела от различных внутренних и внешних факторов, имеющих сходства и различия с европейскими и восточными государствами.

© Белова Т.А., Брицкая А.Л., Козлова А.А., Лобова Т.Г., Сивирина О.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В результате в многочисленных исследованиях отечественных авторов все чаще встречается ставший для нас абсолютно привычным термин «самодержавие». Проблема самодержавия интересовала исследователей еще в XIX в.: что понимать под этим термином, всегда ли его значение было одинаковым, какие факторы повлияли на формирование такой системы управления страной, идентичны ли термины самодержавие и абсолютизм и многие подобные вопросы. Целью данной статьи является попытка проблематизации опыта политической власти в России в форме самодержавия.

Власть самодержца в управлении имеет тенденцию быть всеобъемлющей, и хотя государь почти всегда создает себя с помощью различных органов власти, он может вмешаться в любое время в деятельность помощников. Процесс рождения и становления абсолютной монархии охватывает несколько столетий и, безусловно, имеет свои отличительные особенности для разных государств, в том числе и для России. Трудно не согласиться с И. Солоневичем, который говорит об уникальности истории каждого народа, в том числе и русского, который имел свою собственную уникальную идентичность, отличную как от Европы, так и от Азии [1, с. 27].

Поэтому интересной является попытка проблематизации опыта политической власти в России в форме самодержавия с позиций методологических установок «аппликативной концепции цивилизации», которую предложил К.С. Пигров [2]. Последняя представляет собой герменевтический подход в «прочтении» и понимании феномена самодержавия не только и не столько как монархической формы правления, сколько как своеобразной системы представлений, смыслов и значений, которые придавались носителями культурной

традиции тому, что можно назвать реальностью, процессами складывания и институционализации государственной власти. Иначе говоря, речь идет о признании понимания «самодержавия», обусловленного конкретной культурно-исторической традицией, цивилизацией. С основой цивилизации связано производство, трансляция и усвоение (через различные формы и действие, через мироощущение) смыслов, которые обнаруживают себя в определенном времени (различные исторические эпохи в судьбе цивилизации) и пространстве (местопребывание цивилизации).

В нашем случае определяющим является признание связи процесса формирования и развития русской культурной и социально-политической, хозяйственной жизни и процесса складывания русской государственности. Тогда нужно говорить о самодержавии как феномене русской цивилизации. Данный шаг, согласно позиции авторов, позволяет, во-первых, уйти от традиционной историографической полемики вокруг прояснения «объективной» природы русского самодержавия и его типизации (от «азиатской деспотии» до специфичной формы монархической власти), включая поиск его специфических черт; во-вторых, приблизиться к пониманию причин страстного желания русской общественности реформировать, а затем свергнуть самодержавную власть. Притом, что достаточно длительное время эта форма государственного устройства устойчиво воспроизводилась, представляя собой незыблемую основу всей русской истории, по Н.Я. Данилевскому [3, с. 128], а также единственную силу, организующую «русский мир» и дисциплинирующую женственную «душу русского народа», по Н.А. Бердяеву [4].

Согласно обозначенной концепции, различные культурные феномены (включая социально-политические, в нашем

случае — самодержавную власть) конституируется и существует в разделяемых и воспроизводимых стереотипах, которые определяют действия «участников процесса». Одновременно эти же участники определенным образом интерпретируют и привносят в свое исполнение вариативность, таким образом конкретизируя эти смыслы и превращая их из идеалов культуры в реальный исторический процесс. Пока существует признание смыслов и готовность их исполнения, даже при условии влияния различного рода внешних обстоятельств, к этим смыслам (какими бы невероятными они ни были) будут относиться как к «объективной реальности».

Каково же само существование и осуществление смыслов в культурной традиции, в истории народа и государства; как они оказываются связаны с непосредственной исторической деятельностью? Представления о мире в целом, о социально-политическом порядке, различные социальные и культурные практики, создавая жизнь цивилизации, представляют собой особый баланс. С одной стороны этого баланса — рациональное: это та или иная господствующая или популярная в социальной среде идеология, текст политической программы, манифесты, указы. Все это создает и производит социальный порядок сообразно некой рационально заданной и сформулированной цели и соответствующих рационально обоснованных средств ее достижения. С другой стороны, цивилизация опирается на нерациональное (эмоциональное, невербальное, ускользающее от рационализации в обыденных и типично-привычных формах жизни), то, что зачастую обнаруживает себя в «менталитете»; то, что, например, Н.А. Бердяев называл «душой России», которая оказалась «непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений» [5, с. 39].

В этом контексте одной из первых является проблема идентификации самодержавия по отношению к другим формам монархии. Вопрос о соотношении абсолютизма и самодержавия был поднят славянофилами XIX в., которые считали, что абсолютизм характерен для европейских государств, а для России — традиционное самоуправление правителя в форме самодержавия. Эта идея активно обсуждалась в конце XIX и начале XX вв., но с победой марксистской идеологии на соотношение между этими терминами стали смотреть по-другому.

Некоторые исследователи допускали одновременное сосуществование двух форм государства при Иване Грозном, в частности самодержавие проявилось в опричнине, а сословно-представительная монархия — в государственной деятельности в целом [6, с. 265]. Однако другой исследователь этой проблемы (Д.Н. Альшиц) без всяких оговорок считает Ивана IV абсолютным монархом [7, с. 167]. А.Я. Аврех определяет абсолютизм как феодальную монархию, способную эволюционировать в буржуазную монархию. Но интересно отметить, что в абсолютной монархии существует сильная бюрократия, а самодержавие предполагает личную власть государя как личную ответственность, даже в случае делегирования его власти; в конечном итоге спрос будет исключительно с царя, а не с какого-либо ведомства или органа власти. Если вдуматься, Петр I действительно пытался сформировать государственную систему, которая могла бы действовать в его отсутствие, когда он занимался вопросами внешней политики. И одним из признаков абсолютизма является формирование бюрократии.

Однако большинство ученых, участвовавших в дискуссии, не поддержали эту позицию (Н.И. Павленко [8], А.Н. Сахаров,

Ю.Ю. Титов и другие). В.С. Покровский отметил, что в ходе обсуждения на страницах журнала «История СССР» не удалось принять ряд тезисов по проблемам самодержавия и абсолютизма в России (например, толкование некоторых правовых актов, объединение истории самодержавия и истории российского общества). Другой историк, Ю.П. Титов, отметил, что дискуссия на страницах журнала не привела к консенсусу среди историков по вопросам российского абсолютизма. Это вполне может быть связано с современным пониманием общества на определенном этапе развития как гораздо более сложного политического механизма, верховная власть которого не может быть определена одним термином, каким бы значительным он ни был. В этом смысле трудно не согласиться с К. Соловьевым, который считает «любую политическую систему результатом сложных социальных отношений, которые не ограничиваются конкретным термином» [9].

Существует точка зрения, например, представленная в работе Л.А. Тихомирова, что русские правители не могут быть преемниками и последователями татарских ханов в плане самодержавия — «ханата», потому что у них была качественно иная природа власти. Сами ханы такой властью не обладали, потому что она была родовой и основывалась исключительно на силе. Но в то же время русские правители сделали соответствующие выводы о том, чего не хватало татарской власти, сформировав собственную управленческую систему [10, с. 156].

Стоит отметить, что монгольскому наследию пришлось пройти сложный этап эволюции, связанный с чисто российскими политическими и идеологическими особенностями. Очевидно, что сразу после освобождения от монголо-татарского ига царь опирался на крупное боярство,

не обладавшее неограниченными полномочиями, поскольку на местах бояре-местники были практически полными хозяевами. Но уже в царствование Ивана Грозного ресурс власти был сосредоточен в его руках, хотя противостояние бояр наблюдалось почти во все время его правления. Ситуация отчасти вышла из-под контроля в Смутное время, когда на троне были случайные люди, самозванцы, иностранцы, но с приходом к власти Михаила Федоровича Романова и поддержкой его отца-патриарха ситуация стабилизировалась, и отношение к царю больше не менялось, по крайней мере со стороны народа, более того, именно у государя искали защиты от своеволия бояр и чиновников, служилых людей. Что касается представителей боярско-дворянской элиты, то им пришлось смириться с потерей власти, которую они имели во время недавних Смут.

XVII век был временем ослабления боярства как с экономической точки зрения (полная отмена местничества в 1682 г., слияние вотчины и поместья), так и с политической: постепенное ослабление влияния Боярской думы и создание органа, непосредственно подчиненного Царю (Приказ Тайных дел). Время Петра Великого и его преемников связано с дальнейшей трансформацией системы, основанной на формировании внутренней бюрократии, способной управлять страной как в период временного отсутствия монарха (активная внешняя политика Петра), так и в случае любого нежелания обременять себя сложными государственными вопросами (второй период правления Анны Иоанновны, когда императрица почти полностью делегировала свои полномочия Кабинету министров, иногда даже не просматривая государственные бумаги; или время Елизаветы Петровны, которая периодически

вмешивалась в управление страной, и большая часть вопросов передавалась на усмотрение доверенным лицам).

Несомненно, Русская Православная церковь сыграла значительную роль в становлении абсолютизма. Вопрос сакрализации верховной власти, конечно, всегда решался церковью, и Россия не была исключением. Формирование триединой системы самодержавия, православия и народности, сформулированной правительством, было во многом подготовлено деятельностью духовенства. Теоретическое обоснование значимости для государства помазанника Божия было постоянной задачей русских митрополитов и патриархов. Церковь всегда выступала за мощное и единое государство под властью сильного правителя, способствовала победам русского оружия над врагами (достаточно вспомнить благословение Сергия Радонежского перед Куликовской битвой или деятельность митрополита Гермогена в период Смуты). Не сомневаясь в авторитете Русской Церкви, монголы долгое время предоставляли ей особые права, и сами правители поддерживали духовенство. Достаточно вспомнить поддержку Иосифлян в XVI в. или реформу патриарха Никона в XVII в. С другой стороны, именно церковь способствовала укреплению царской власти: митрополит Макарий был главным инициатором и разработчиком плана венчания юного Ивана IV на царство, чтобы возвысить его над другими потомками великих князей, а также укрепить статус для развития внешнеполитических отношений. В то же время митрополит понимал, что сакрализация должна иметь внешнее выражение, поэтому тщательно разработал сценарий венчания на Царство. Позже это событие стало традиционным, очень торжественным и помпезным для всех русских царей и

императоров. Но не стоит забывать и о другой стороне отношений — о соперничестве царской и церковной власти: русская светская власть всегда стремилась реализовать византийский принцип «Царство выше священства», но к XVIII в. этот принцип сменился политикой, направленной на экономическое и политическое ослабление власти Церкви, что в то же время не означало отказа от ее идеологической поддержки.

Необходимо также принимать во внимание внешнеполитический аспект абсолютизма. Неограниченная монархия в России формировалась в условиях постоянной внешней угрозы, часто со стороны нескольких государств одновременно. Как правило, представителей католической Европы с одной стороны и восточных соседей — с другой. Это объясняет постоянные войны, которые носили в подавляющем большинстве оборонительный характер или были направлены на расширение необходимых границ государства не столько в экономических целях, сколько для выживания в конкуренции с Европой. В военных условиях принцип единоначалия доказал свое абсолютное превосходство, поэтому сильная монархическая власть была единственно возможным решением проблемы, учитывая, что российским правителям часто приходилось одновременно иметь дело с внутренними неурядицами, открытым неповиновением и претензиями на власть наряду с внешними врагами. Более того, многие современные отечественные авторы говорят о формировании в сложных внешнеполитических условиях идеи создания империи по принципу Византии, поскольку Россия неспроста считала себя третьим Римом. Это маскировало необходимость миссионерской работы по отношению к западным и восточным народам, которые были под властью

католиков или мусульман [11]. Тогда становится ясно, что существует потребность в сильной неограниченной власти для России, у которой нет реальных союзников, а только тактические альянсы, потому что в то время в мире не было других православных империй.

Таким образом, ни дореволюционные, ни советские, ни современные отечественные историки не выработали четкой дифференциации понятия самодержавия в России. Также нет официального однозначного понимания терминов «абсолютизм» и «самодержавие» (в части их сходства или различия). Часто историки считают, что эти термины взаимозаменяемы, но все же трудно представить себе абсолютную монархию Ивана III Великого или Ивана Грозного. Очевидно, что в данном случае есть некоторые принципиальные отличия от системы правления Петра Великого, хотя с точки зрения официальной идеологии государь по-прежнему был помазанником Божьим, единственным источником не только власти, но и высшей справедливости. Этому во многом способствовали внешние атрибуты: масштабные мероприятия, связанные с публичными событиями, царскими и императорскими отъездами, а также процесс коронации, традиционно проводимый в Московском Успенском соборе Кремля, величание дворцов, которые по богатству убранства и обстановки схожи с главными православными соборами.

И, конечно, было бы невозможно построить самодержавие без особого менталитета, который существовал в русском сообществе. Современные ученые, указывая на необходимые основы сильного государства, пишут, что главным фактором должна быть мощная автократия с сильным правителем с соответствующим уровнем авторитета, но что также важно, так это народ с сильной традицией

народной монархии [12, с. 57]. Общинное крестьянство оставило после себя многовековой опыт построения социальных отношений.

История общины уходит корнями вглубь веков, но после реформ 1860–1870 гг. не потребовалось и десятилетия, чтобы принять новые правила и положения о крестьянах, которые просто отменили те, которые еще не были введены в действие. В соответствии с реформой 1861 г. община была включена в административную систему страны как территориально, так и функционально. В целях унификации управления различными категориями крестьян (государственными, удельными, частными) и с учетом специфики регионов, а также форм собственности на землю законом была введена административная единица «сельское общество». Термин «община» был введен в литературу славянофилами и стал широко использоваться только в XX в.

Крестьянский «мир» исторически сочетал в себе оба права — созидательную и исполнительную функции. Выражая мнение сообщества, с одной стороны, «мир» скорректировал его в соответствии с законом. Поэтому в статьях «Общего положения о крестьянах» есть юридическая оговорка: «...если это соответствует местным обычаям» [13, с. 33]. К концу XIX в. оппозиция традиции начала расти, зажиточные крестьяне начали бороться с опекой мира, хотя средние слои деревни оставались верны «мировым» принципам. Община сохранила себя как общество, как природно-хозяйственный комплекс, как многофункциональный институт, который полностью определил жизнь крестьян в самодержавном мире.

Традиционное обсуждение историками и философами вопроса о специфике самодержавия в истории России, начиная еще со времен славянофилов,

обнаруживает трудность типологизации такой формы монархического правления, как русское самодержавие (соотношение терминов «самодержавие», «абсолютизм», «просвещенный абсолютизм»; социально-классовый подход при анализе данных дефиниций и определении отличительных черт европейской и русской государственности). Как и чем это можно объяснить? Сам по себе научный анализ представляет собой явную попытку рационализации и концептуализации данного явления на уровне теоретического знания. Это попытка «схватить» явление и представить его в виде абстрактной модели, «отвлеченной» от многочисленных своих вариаций, обусловленных разного рода историческими обстоятельствами. В этом случае историография представляет собой рациональный уровень отношения к смыслу. Ученые исследуют документальный образ самодержавия, представленный в официальных и неофициальных документах и практиках. Здесь можно обнаружить противоречие формы и принятых относительно нее воспроизводимых смыслов. Так, ряд исследователей отмечает, насколько не совпадают возможности европейского монарха, представителя «западного абсолютизма» и русского царя-самодержца или татарского хана и русского правителя. Однако это представление о русском самодержавии оказывается одним из возможных смыслов, который обнаруживает и воспроизводит сам себя на так называемом рациональном уровне. Речь идет и об именовании главы государства, (Самодержец, Царь-Самодержец, Император), и о сопутствующих этому политических ритуалах, об устанавливаемых социальных отношениях, а также популярной в неославянофильских кругах идеи реформирования самодержавия в начале XX в.

На внерациональном уровне самодержавие было «вплетено» не только в

религиозную жизнь, но и оказалось связано с особым отношением к личности царя, которая сакрализируется («царь-батюшка», который представляет и защищает интересы всех людей). Одним из ярких образов исторической памяти русского народа является принимаемая и разделяемая мифологема «Москва — Третий Рим», определяющая симфонию двух видов власти — духовной и светской, где последнюю олицетворяет единоличное политическое управление, которое мистифицируется и безоговорочно принимается. Кроме того, не следует забывать и те особенности «географии русской души», которые были отмечены в свое время Н.А. Бердяевым: «Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него» [5, с. 324]. Именно безграничное пространство и простор определили принятие чрезмерной централизации власти и упование на нее.

Однако со времен Петра I русское самодержавие столкнулось с русской бюрократией, которая, укоренившись в социально-политическом строе русской жизни уже в конце XX века в лице ряда чиновников (А.А. Половцев, П.А. Валуев), открыто признавалась в том, что «самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует» [9, с. 61]. Иначе говоря, самодержавие как смысл, определяющий социально-политический порядок, воспроизводится теперь уже не на всех уровнях власти, речь идет о постепенном усилении идеи и практики бюрократии — «министерской олигархии». Это приводит к ослаблению конституирующей социально-политическую практику идеи самодержавия, хотя на

уровне народного сознания образ «царя-ба-тюшки» все же не исчезает.

Но не стоит забывать, что разобчение «народа» и «дворянства», да и появление «чиновничества» (именно тех, кого следует назвать «носителями смысла») в результате петровских преобразований привело к тому, что Россия совмещала в себе «несколько исторических и культурных возрастов от раннего средневековья до XX в., от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры» [5, с. 330]. Традиционная мифологизация самодержавия постепенно потеряла свою актуальность и значимость. В определенных слоях общества она перестала воспроизводиться и быть определяющей, а значит, оказалась далекой от реальной политической практики, где одни (неославянофилы) пытались возродить самодержавие в изначальном идеальном виде, а другие — реформировать в соответствии с новыми политическими реалиями.

В целом процесс формализации самодержавной власти прошел длительный

период становления, связанный с победой монархических тенденций уже в Древней Руси, влиянием монголо-татарского ига, процессом сначала успешного сосуществования, а затем борьбы с ним, постоянными внешними угрозами с Востока и Запада, часто одновременно с несколькими врагами или коалициями, объединенными против России, периоды внутреннего противостояния правящего класса в форме феодальных войн или смут. Кроме того, Его величеству нужна была стабильная поддержка широких слоев населения или, по крайней мере, их спокойствие, отсюда и единство монархии и народа, отраженное в различных аспектах идеологии. Именно эта политическая система сопровождалась особыми отношениями с Русской Православной церковью, общинным укладом существования большинства населения и расширением территории страны до ее естественных границ, что не могло не способствовать успешной борьбе с постоянными внешнеполитическими угрозами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Солоневич, И.Л.* Народная монархия. М.: Институт российской цивилизации, 2010. 624 с.
2. *Пигров, К.С.* Созидающее слово, или цивилизация как констелляция смыслов // *Цивилизация: вызовы современности: сб. статей.* СПб.: СПбГУ, 2009. С. 244–258.
3. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
4. *Бердяев, Н.А.* О «вечно бабьем» в русской душе. URL: <http://http://www.vehi.net/berdyayev/hozapov.html> (дата обращения: 21.03.2022).
5. *Бердяев, Н.А.* Судьба России // *Философия свободы.* М.: Издательство «АСТ», 2002. 271 с.
6. *Черепнин, Л.В.* Земский собор Российского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
7. *Альшиц, Д.Н.* Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. 241 с.
8. *Павленко, Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М.: Академия наук СССР, 1953. 536 с.
9. *Соловьев, К.А.* Идея самодержавия (конец XIX — начало XX века) // *Философия. Журнал высшей школы экономики.* 2018. Т. II. № 2. С. 48–69.
10. *Тихомиров, Л.А.* Монархическая государственность. М.: Облиздат, ТОО «Алир», 1998. 672 с.

11. Неронов, А.В., Неронова, М.У. Развитие русской идеи и Русского мира // *Философские науки*. 2019. № 3. С. 213–224.
12. Дугин, А.Г. *Евразийский реванш России*. М.: Алгоритм, 2014. 254 с.
13. Кучумова, Л.И. *Сельская община в России (вторая половина XIX в.)*. М.: Знание, 1992. 63 с.

REFERENCES

1. Solonevich, I.L. *Narodnaya monarhiya* [People's Monarchy]. Moscow, Institut rossijskoj civilizacii, 2010, 624 p. (in Russ.)
2. Pigrov, K.S. *Sozidayushchee slovo, ili civilizaciya kak konstellyaciya smyslov* [The Creative Word, or Civilization as a Constellation of Meanings]. In: *Civilizaciya: vyzovy sovremennosti* [Civilization: Challenges of Modernity: Collection of Articles]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2009, pp. 244–258. (in Russ.)
3. Danilevsky, N.Ya. *Rossiya i Evropa: vzglyad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Romance]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2008, 816 p. (in Russ.)
4. Berdyaev, N.A. «*O vechno babem*» v russkoj dushe [About the «Eternally Feminine» in the Russian Soul]. Available at: <http://http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html> (accessed: 21.03.2022). (in Russ.)
5. Berdyaev, N.A. *Sudba Rossii* [The Fate of Russia]. In: *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, AST, 2002, 271 p. (in Russ.)
6. Cherepnin, L.V. *Zemskij sobor Rossijskogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobor of the Russian State in the XVI–XVII Centuries]. Moscow, Nauka, 1978, 417 p. (in Russ.)
7. Alshic, D.N. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii: gosudarstvo Ivana Groznogo* [The Beginning of Autocracy in Russia: The State of Ivan the Terrible]. Leningrad, Nauka, 1988, 241 p. (in Russ.)
8. Pavlenko, N.I. *Razvitie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoj polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie* [Development of the Metallurgical Industry in Russia in the First Half of the XVIII Century: Industrial Policy and Management]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1953, 536 p. (in Russ.)
9. Soloviev, K.A. *Ideya samoderzhaviya (konec XIX — nachalo XX veka)* [The Idea of Autocracy (Late XIX — Early XX Century)], *Filosofiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki* = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics, 2018, vol. II, No. 2, pp. 48–69. (in Russ.)
10. Tikhomirov, L.A. *Monarhicheskaya gosudarstvennost* [Monarchical Statehood]. Moscow, Oblizdat, Alir, 1998, 672 p. (in Russ.)
11. Neronov, A.V., Neronova, M.U. *Razvitie russkoj idei i Russkogo mira* [The Development of the Russian Idea and the Russian World], *Filosofskie nauki* = Philosophical Sciences, 2019, No. 3, pp. 213–224. (in Russ.)
12. Dugin, A.G. *EvrAzijskij revansh Rossii* [Russia's Eurasian Revenge]. Moscow, Algoritm, 2014, 254 p. (in Russ.)
13. Kuchumova, L.I. *Selskaya obshchina v Rossii (vtoraya polovina XIX v.)* [Rural Community in Russia (The Second Half of the XIX Century)]. Moscow, Knowledge, 1992, 63 p. (in Russ.)

Белова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, belova.t.a@mail.ru

Tatyana A. Belova, PhD in History, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, belova.t.a@mail.ru

Брицкая Алена Леонидовна, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, alena_britskaya@mail.ru

Alena L. Britskaya, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, alena_britskaya@mail.ru

Козлова Анна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, beigul-1@yandex.ru

Anna A. Kozlova, PhD in History, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian State Automobile and Road University, beigul-1@yandex.ru

Лобова Татьяна Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, lotogen@mail.ru

Tatyana G. Lobova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, lotogen@mail.ru

Сивирина Ольга Александровна, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, osa.osma@mail.ru

Olga A. Sivirina, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, osa.osma@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.05.2022. Принята к публикации 29.07.2022

The paper was submitted 08.05.2022. Accepted for publication 29.07.2022